

В последнем разделе (§ 20, стб. 1167 сл.) автор кратко останавливается на культурном развитии и религиозных культах Причерноморья. Он подчеркивает, что культурное развитие греческих полисов Причерноморья может быть правильно понято только при учете роли культуры местных племен. И наоборот, — культурное развитие местного населения не может быть правильно понято, если недооценивать эллиническое влияние. Хр. М. Данов предлагает следующую периодизацию исторического развития эллинизма в Причерноморье: первый период — время основания первых колоний в этих областях (вторая половина VII — конец VI в. до н. э.; в отдельных случаях он охватывает и первые десятилетия V в.); второй период — с последних десятилетий V в. до II в. и конца первых четырех десятилетий I в. до н. э. Этот период, по мнению автора, характеризуется тем, что значительная часть побережья Черного моря находилась под влиянием Боспорского царства. Предлагаемая проф. Дановым периодизация представляется схематичной. Между первым и вторым периодами образуется промежуток времени почти в сто лет от начала до конца V в. до н. э. Автор, по-видимому, переоценивает влияние Боспорского царства на протяжении длительного периода в три с лишним столетия, хотя влияние Боспора в течение этого времени не оставалось неизменным.

В конце этого раздела автор кратко характеризует Боспорское царство, подчер-

кивая его этнически смешанный характер, что отчасти нашло выражение, по его мнению, во власти негреческой династии Спартокидов. И наконец, в конце этого параграфа дано описание некоторых культов Причерноморья, местных и синкретических: Ахилла Понтарха в Ольвии и ее окружении, культ Девы в Херсонесе, культ Дарзала (великого бога одесситов) в Одессе и др.

Содержащиеся в рецензии критические замечания во всех случаях касаются частных вопросов. Они ни в какой мере не могут поколебать общей весьма высокой оценки труда проф. Данова. Проф. Дановым собран и обобщен огромный материал по истории Северного Причерноморья в древности. Во многих отношениях излагаемые им вопросы основываются на собственных исследованиях самого автора. Эта работа заполняет существовавший до сих пор пробел в историографии причерноморской тематики в «Энциклопедическом словаре классических древностей». Она важна и с точки зрения ознакомления специалистов в области древней истории с достижениями советской, болгарской и румынской исторической науки в изучении Причерноморья. Этот труд на долгое время останется незаменимым справочником для интересующегося понтийской тематикой. Рассмотренная в самых общих чертах работа с большим интересом встречена широким кругом ученых.

И. Б. Браишский

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ ПЛУТАРХА В ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ XX ВЕКА¹

Поучительно сравнить тематику новых исследований, посвященных Плутарху-биографу, с тематикой работ о том же авторе, в изобилии появлявшихся в Германии конца прошлого столетия: общий сдвиг интересов немецкой и мировой науки делается при таком сопоставлении очень наглядным. Лет 70—80 назад неразмежеванность истории и филологии в лоне еще единой *Alttertumswissenschaft*² в сочетании с недооценкой послеклассического периода античной литературы приводила к тому, что Плутарх изучался односторонне как

«исторический источник» в самом узком смысле этого слова — подход, еще в 1912 г. вызвавший протест Виламовица³; анализ литературной стороны «Параллельных жизнеописаний», необходимый как сам по себе, так и в подспорье к историко-ведческому, заменялся общими фразами о «повествовательном мастерстве» Плутарха и т. п.⁴ Не благоприятствовала изучению внутренних закономерностей творчества Плутарха и свирепствовавшая в эти десятилетия *Einquellentheorie*, рассматривавшая поздних авторов, в особенности историков, как подставных лиц, чьи тексты —

¹ Обзор литературы 30—40-х гг. см.: A. Garzetti, *Plutarco e le sue Vite parallele. Rassegna di studi 1934—1952*, «Riv. stor. Ital.», 65 (1953), стр. 76 слл. (примыкает к A. Hauser, *Literatur zu Plutarchs Lebensbeschreibungen bis 1934, Bursians Jahresber.*, 251, 1956, стр. 35 слл.). Ср. R. del Re, *Gli studi plutarchei nell'ultimo cinquantennio, Atene e Roma*, III, 1953, стр. 187—196.

² О процессе их размежевания см. М. Л. Гаспаров, *Римская литература в современной буржуазной филологии*, ВДИ, 1960, № 4, стр. 146.

³ U. v. Willamowitz-Möllerndorff, *Die griechische und lateinische Literatur und Sprache*, Lpz — B., 1912, в кн.: «Die Kultur der Gegenwart», I, Abt. 8, стр. 243.

⁴ В лучшем положении оказались такие узко «филологические» вопросы, как проблема «звония»; разработка этой проблемы была стимулирована потребностями отделения подлинных текстов Плутарха от подложных и составила еще в 40—70-е гг. содержание ряда специальных работ.

простая сумма механических заимствований из сочинений их предшественников, раскрыть имена которых и призвана наука. Вполне естественно, что такому автору, как Плутарх, в писательской работе которого компилирование действительно играло важную роль, особенно повезло, и его сочинения во множестве работ усердно разлагались на гипотетические выписки из Эфора или Стесимброта, Гермиппа или Дидима и т. д.

Реакция не заставила себя ждать: Einquellentheorie в изучении Плутарха разделила судьбу своих методологических коррелятов — «теории малых песен» в гомеровском вопросе, воззрения на римскую литературу как на сумму петворчески воспроизводившихся греческих мотивов и т. д. (Интересно, что единственная в своем роде работа о Плутархе, в 1942 г. воскресившая все крайности «теории единого источника»⁵, принадлежит ученому, в гомеровском вопросе зарекомендовавшему себя как традиционалист и антиунитарист⁶ — методологическая связь очевидна.) Уже к началу нашего века излишества Quellenforschung обнаружили свою безрезультатность, на время почти скомпрометировав эту сферу филологической работы⁷. Узко «источниковедческому» подходу к Плутарху положило конец развитие новых методов исследования литературных особенностей античных текстов. Эти методы, сложившиеся на изучении поэтических и риторических жанров античной литературы, еще в 1901 г. были применены к античной биографии в исследовании Ф. Лео⁸, которое и положило начало собственно «литературоведческому» анализу «Жизнеописаний» Плутарха. Отныне на первый план в западной науке выходит проблема места Плутарха в ряду античной биографической традиции⁹, — проблема,

которую и мы должны поставить в центр нашего обзора, — хотя, разумеется, работа над «Параллельными жизнеописаниями» в направлениях, завещанных старой филологией, никоим образом не прекращается¹⁰.

литературном аспекте (ср. К. К. Зельин, Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н. э., М., 1964, стр. 76), в послевоенный период особое внимание привлекает историко-культурная сторона вопроса (психологическая теория биографии и т. п.).

¹⁰ Ср. вполне традиционные по своим целям и методам работы об источниках Плутарха: P. Zimmermann, Die Quellen Plutarchs in der Biographie des Marcellus, RhM, LXXXIX (1930), стр. 56 сл.; A. Klotz, Die Quellen der plutarchischen Lebensbeschreibung des Marcellus, там же, XXXIII (1934), стр. 289 сл. и еще четыре статьи того же автора: «Die Quellen Plutarchs in der Lebensbeschreibung des T. Quinctius Flaminus» (RhM, LXXXIV, 1935, 46 сл.), «Über die Quellen Plutarchs in der Lebensbeschreibung des Q. Fabius Maximus» (там же, стр. 125 сл.), «De Plutarchi vitae Caesarianae fontibus» («Mnemosyne», ser. 3, VI, 1938, стр. 313 сл.), «Zu den Quellen Plutarchs in der Lebensbeschreibung des Camillus» (RhM, XC, 1941, стр. 282 сл.); F. P. B. Godolphin, The Source of Plutarch's Thesis in the Lives of Galba and Otho, AJPh LVI (1935), стр. 324 сл.; H. D. Westlake, The Sources of Plutarch's Timoleon, CQ, XXXII (1938), стр. 65 сл.; он же, The Sources of Plutarch's Pelopidas, там же, XXXIII (1939), стр. 11 сл.; I. L. Powell, The Source of Plutarch's Alexander, JHS, LIX (1939), стр. 299 сл.; R. E. Smith, Plutarch's Biographical Sources in the Roman Lives, CQ, XXXIV (1940), стр. 1 сл.; он же, The Cato Censorius of Plutarch, там же, стр. 105 сл.; он же, The Sources of Plutarch's Life of Flaminus, CQ, XXXVIII (1944), стр. 88 сл.; W. E. Sweet, Sources on Plutarch's Demetrius, «Classical Weekly», 44 (1951), стр. 177 сл.; A. R. Burn, A biographical Source on Phaiax and Alcibiades (попытка найти общий источник «Алкивиада» Плутарха и Псевдоантокидовой речи против Алкивиада), CQ, 48 (1954), стр. 138 сл. Источникам римских биографий посвящена диссертация G. Delvaux, Les sources de les vies paralleles des Romains, Bruxelles, 1946 (осталась для нас недоступной). Филологические комментарии как к отдельным трактатам из числа «Моралий», так и к биографиям Плутарха (к «Тесею» — «Ромулу» и к «Лыкургу» — «Нуме») принадлежат видному французскому филологу Р. Фласельеру (REG, LXI, 1948, стр. 67 сл. и 391 сл.), много занимавшемуся также эдичной работой.

⁵ P. v. d. Mühl, Antiker Historismus, in Plutarchs Biographie des Solons, «Klio», XVII (1942), стр. 89—102. С менее гиперкритических позиций написана более поздняя статья того же автора: «Direkte Benutzung des Ephoros und Theopomp bei Plutarch» («Museum Helveticum», XI, 1954, стр. 243 сл.).

⁶ Ср. его работы: «Die Dichter der Odyssee» (68. Jahrbuch der Ver. Schweiz. Gymnasiallehrer, Aarau, 1940); «Kritisches Hypomnema zur Ilias» («Schweiz. Beitr. der Altertumswiss.», 4, Basel, 1952).

⁷ Ср. резкие замечания У. Вилламовица-Меллендорфа («Plutarch als Biograph», в его кн.: «Reden und Vorträge», II, 4. Aufl., В., 1924, стр. 247—279, особенно стр. 269), В. Укскулла-Гилленбанда и А. Вайцеккера, о работах которых см. ниже.

⁸ F. Leo, Die griechisch-römische Biographie nach ihrer literarischen Form, Lpz., 1901.

⁹ В 10—30-х гг. эта проблема разрабатывалась преимущественно в историко-

Конечно, в наши намерения не входит систематическая характеристика старой и широко известной книги Лео, но сказать о ней несколько слов необходимо потому, что до последнего времени (по крайней мере, в немецкой науке) она сохраняла значение опоры, от которой отталкиваются новые исследования, и если концепция Лео в основном преодолена¹¹, то этого нельзя сказать о заданной им методологической инерции.

Работа Лео, хронологически стоящая на грани двух веков, и по своим установкам как бы принадлежит одновременно двум научным эпохам. В ней на редкость полно отложилось прошлое немецкой филологии за предшествовавшее десятилетие¹² с его достоинствами и слабостями. Наиболее опасной ошибкой Лео, сказавшейся на всей дальнейшей работе над проблемой биографии, было то, что Лео перенес на нее традиционную для немецкого формализма концепцию жанра как некоего замкнутого феномена, чьи внутренние законы остаются неподвластными ни литературной ситуации эпохи, ни индивидуальности автора. Если такое механистическое понимание, не желающее считаться с оттенками, которые придает формально идентичным литературным особенностям текстов различных эпох контекст реальной историко-литературной обстановки¹³, явно недо-

статочно даже для таких областей античной литературы, как поэзия или риторическая проза, где жанровые законы были действительно твердыми и *genus* мог иметь обязательный для него метр, лексика и т. д., — то в приложении к такому позднему и слабо конституированному «жанру»¹⁴, как биография, понятие *Gattung*, каким его мыслил себе Лео, оборачивалось уже прямой натяжкой. Более того, направление мысли, при котором акцент ставился не на живом течении литературного процесса, а на автономном бытии неизменных *Gattungen*, хорошо уживалось с укоренившейся в немецкой филологии привычкой видеть в Плутархе простого плагиатора своих предшественников — только на место списываемых «источников» теперь были подставлены столь же механически воспроизводимые «образцы». Схема Лео усматривает в античной биографической литературе две раз и навсегда выработанные формы — перипатетическую («повествовательную») и «художествен-

ную» — оролом традиционности и льстила его архаическим вкусам. Так одна и та же формальная деталь получает диаметрально противоположный смысл.

¹⁴ Если мы говорим о «биографическом жанре» или «биографических жанрах» в античной литературе, мы имеем за собой *usus* самих древних авторов, говоривших в этом случае о *genus scripturae* (*N e r o s, praef.*; ср. также *P l u t., Alex., 1*). Однако мы впадем в педантскую отвлеченность, если будем искать здесь какие-либо непреложные законы жанра (у Лео такую роль играют якобы обязательные для каждой формы композиционные схемы). Чтобы проиллюстрировать зыбкость границ биографического *genus'a*, мы хотели бы привести пример «*Praefatio ad Dextrum*», предисловия к «*De viris illustribus*» Перонна: христианский биограф перечисляет своих классических предшественников, причем сначала остается в границах «жанра», но затем прибавляет к перечню биографов (Германия перипатетик, Антигон из Кариста, Сатир, Аристоксен, римляне Варрон, Сантра, Непот, Гигин и Светоний) также и Цицерона за его, казалось бы, инородное для биографии произведение — диалог «Брут» (имея в виду данный там *catalogus oratorum*). В некоторых недавних работах выдвигается требование четко отделять от античной биографии биографически оформленный эпикей (типа «Эвагора» Исократы, «Агесилая» Ксенофонта), но, очевидно, осуществить это требование не так просто. Когда мы говорим специально о Плутархе, не следует забывать, что у него, как неоднократно отмечалось, традиционные формы вообще приобретают известную «текучесть» (ср. замечания А. В. Болдырева — «История греческой литературы», под ред. С. И. Соболевского и др., III, М., 1960, стр. 174, 183 и др.).

¹¹ Впрочем, и теперь встречаются еще попытки канонизировать концепцию Лео; к этому близки Р. Фласельер и К. Ф. Фритц (в своих рецензиях на ук. соч. А. Диле, см. *REG*, 69 (1956), стр. 486—488 и «*Spoton*», 1956, стр. 326). Даже К. Циглер выражает недоумение по поводу критики Лео у позднейших исследователей (см., например, *RE*, Нб. LXII, стб. 908).

¹² Наиболее очевидную роль при зарождении концепции Лео сыграли: теория Эд. Мейера о неизвестных нам этапах разработки биографической традицией образа Кимона («*Die Biographie Kimons*»), в его кн.: «*Forschungen zur alten Geschichte*», II, Halle, 1899, стр. 1—87 и в особенности гл. V статьи — связующее звено между *Einquellentheorie* и взглядами Лео; категории «объективной» и «субъективной» характеристики в античной историографии, выдвинутые И. Брунсом (*I. Brun s, Die Persönlichkeit in Geschichtsschreibung der Alten*, Lpz., 1898); попытка реконструкции «перипатетического» направления эллинистической историографии у Эд. Шварца (Ed. Schwarz, *Fünf Vorträge über den griechischen Roman*, В., 1896, ср. его же статьи об античных историках в *RE*).

¹³ Старый пример из русской литературы: поэма Вяч. Иванова «Младенчество» написана «онегинской» строфой. Но если Пушкин, создавая эту строфу, стремился отойти от нарочитой литературности канонических форм, то для Иванова «онегинская» строфа как раз была окружена

ственную) и александрийскую («описательную» и «научную»); первая искони применяется только к героям политической, вторая — только к героям культурной истории; к перипатетической биографии подверстывается Плутарх, к александрийской — Светоний. Таким образом, и здесь в полной мере отразилась характерная для традиционной немецкой филологии вера в свою неограниченную способность возмещать пробелы реальных сведений чисто умозрительными конструкциями¹⁵.

Тем не менее работа Лео принесла пользу хотя бы тем, что после нее прежняя приблизительность в характеристике жанровой природы «Параллельных жизнеописаний» стала уже явно недопустимой (что, как всегда бывает в подобных случаях, не помешало эпигонам работать по-старому¹⁶). В конце 20 — начале 30-х годов два немецких филолога — В. Уксулл-Гилленбанд¹⁷ и А. Вайцеккер¹⁸ поставили себе целью дальнейшее развитие методов Лео и критику его схемы; в центр своего внимания оба поставили Плутарха. При этом Уксулл пересматривал концепцию Лео в ее диахроническом аспекте (проблема генезиса плутарховской биографии), Вайцеккер — предложенную Лео характеристику внутренних законов формы «Параллельных жизнеописаний».

Этот пересмотр во многих отношениях оказался плодотворным. Главными пунктами полемики были: со стороны Уксулла — констатация почти полного отсутствия биографий политических деятелей в эллинистической биографической литературе (последняя неизвестна нам текстуально, но достаточно известна по заглавиям, чтобы признать непринемлемой гипотезу Лео о «перипатетических» жизнеописаниях государственных людей, которые якобы «па-

рафразировал» Плутарх); со стороны Вайцеккера — указание на тот факт, что структура биографий Плутарха не может быть сведена к простой «повествовательности» в смысле чистого повременного изложения (как это без дальнейших уточнений делал Лео), но представляет собой гибкую и не укладывающуюся в единообразные схемы комбинацию «хронографического» и «эйдологического» элементов (некоторые излишества терминологической изысканности, вызывавшие немалые нарекания¹⁹, были порождены оправданным стремлением Вайцеккера как можно более четко отграничить категории формы от категорий материала, которые смешивались у Лео²⁰).

Однако позитивное решение проблемы «Параллельных жизнеописаний» как историко-литературного явления не было дано немецкой филологией 20 — 30-х годов, методологически не отошедшей от приемов Лео и его предшественников. Так, Уксулл, опровергнув гипотезу Лео, полностью объяснявшую «Параллельные жизнеописания» из «перипатетической» биографической традиции, сам посредством столь же умозрительных построений сконструировал гипотетическую традицию Панецца и Посидония, из которой и выводил биографии Плутарха; при этом он и не пытался связать биографические установившиеся Плутарха с социальной, культурной и, наконец, литературной обстановкой его эпохи (если не считать рассуждений на тему о том, что декаданс биографии в эллинистическом мире был вызван отсутствием «мужей», возрождение биографии в I в. до н. э. явилось реакцией на появление таких «мужей» в лице римских политиков, а Плутарх работал по инерции, заданной этим появлением). Специально историко-ведческая часть работы Уксулла, несмотря на его выпады против старой Quellenforschung по сути дела, вполне продолжает ее традиции²¹. Сходным образом и Вайцеккер, несмотря на всю тонкость формального анализа, порой доходящего до виртуозности, ищет единства лите-

¹⁵ К моменту появления книги Лео наука не располагала ни одним образцом эллинистической биографии хотя бы в виде фрагмента, объем которого позволил бы делать серьезные заключения о литературных особенностях текста. Когда в 1912 г. был опубликован (POxy, IX, № 1176) большой фрагмент принадлежащей Сатиру биографии Еврипида, эта единственная в своем роде находка оказалась в противоречии со схемой Лео: биография поэта, которая, по Лео, должна была иметь «научный», сухой и аморфный характер, весьма претенциозна по стилю и облечена в форму диалога (ср. К. Куманиески, *De Satyro Peripatetico*, Cracoviae, 1929).

¹⁶ Ср., например, С. Вальмус, *Техника повествования у Плутарха* в *βίαι παραλλήλοι*, Chişinău, 1925.

¹⁷ W. U x k u l l - G y l l e n b a n d, *Plutarch und die griechische Biographie. Studien zu Plutarchischen Lebensbeschreibungen* den V. Jh., Stuttgart, 1927.

¹⁸ A. W e i z s ä c k e r, *Untersuchungen über Plutarchs Biographische Technik*, B., 1931.

¹⁹ Ср. К. Зиглер, RE, Нб. XLI, стб. 908 («lüftelnde terminologische Spiegeleien»).

²⁰ У Лео замечается тенденция к отождествлению двух аптитез: «описательное» и «повествовательное» изложение, с одной стороны, ἱθός и πράξεις — с другой. Это смешение понятий на первый взгляд может показаться оправданным (ибо ἱθός обычно «описывается», а о πράξεις «рассказываются»), но на деле оно приводит Лео к непониманию структуры биографий плутарховского типа, где ἱθός, как правило, не выделяется в особую «описательную» рубрику, но дается в самом изложении πράξεις. См. W e i z s ä c k e r, ук. соч., стр. 44 слл.

²¹ Характерен отзыв об ук. выше работе Эд. Мейера во введении (U x k u l l - G y l l e n b a n d, у соч., стр. 2 сл.).

ратурной формы жизнеописаний Плутарха в некоторой единообразной композиционной схеме. Удостоверившись в отсутствии таковой, он приходит к полному отрицанию существования общих закономерностей, по которым строятся биографии Плутарха, и даже отождествляет по чисто внешним признакам построение некоторых биографий²² со структурой биографий Светония, от которых они на деле очень далеки. У Вайцеккера, как и у Лео, «литературная форма» понимается не как живая интонация, соотносимая с содержанием произведения, но как механическая композиционная схема²³; никаких попыток перевести анализ на более высокий уровень конкретности Вайцеккер не делает, и в этом отношении очень характерно, что при всех своих тончайших (часто искусственных) разграничениях («универсальной» и «периодической» «эйдологии», «эйдологизирования хронографии» и «хронографизирования эйдологии» и т. д., он остается в пределах антитезы повременного и тематического изложения и не замечает, что у Плутарха очень часто и логическая диспозиция, и временная последовательность заменены чисто ассоциативными переходами одной темы к другой²⁴, заставляющими вспомнить, что писательские навыки Плутарха формировались на диалоге и диатрибе. Плутарх очевидным образом избегал жесткой рубрикации, и уже поэтому конкретный анализ тех литературных особенностей, при помощи которых поддерживается проходящая через всю «пестроту» (ποικιλία) «Параллельных жизнеописаний» неизменная интонация непринужденного рассказа — более верный путь к раскрытию жанрового единства плутарховского сборника, чем операции с композиционными схемами.

Для формалистических приемов Вайцеккера (как и Лео) характерна неспособность найти связь не только между формой и содержанием, но и между отдельными областями формального анализа: в их исследованиях царит разрыв между скрупулезным анализом деталей (вроде употреб-

ления или неупотребления местоимений *ὄτος* или *his* применительно к герою биографии, наличия или отсутствия перечня *πράξεις* и т. п.) и крайней отвлеченностью, поразительной приблизительностью, которая возникает тогда, когда речь заходит о функциях этих деталей или о таких сторонах облика целого, которые хуже поддаются механическому учету²⁵. При этом сам автор, Плутарх, который жил задачами, интересами, вкусами своего времени, Плутарх — создатель не только биографий, но и «Моралий», остается почти полностью вне поля зрения исследователей²⁶.

Отсюда — ощущение неуловимости литературной природы биографий Плутарха, заметное уже в труде самого Вайцеккера и бременем легшее на последующую работу в этой области. Неудача Лео и Вайцеккера тем показательнее, что их исследования — до сих пор наиболее значительная в буржуазной науке попытка строго систематически охарактеризовать литературный облик биографий Плутарха, выгодно отличающаяся от последующих работ серьезным стремлением к историко-литературной конкретности (хотя и формалистически понятой).

За пределами Германии направление немецкой филологии в работе над биографиями Плутарха не встретило сочувствия. Прямой реакцией на работы Лео, Укскулла и Вайцеккера явилась вышедшая в Париже в 1934 г. книга Н. И. Барбу (см. выше, прим. 23). Румынский ученый резко критикует педантизм и узость своих немецких коллег. К сожалению, место конкретного анализа слишком часто заступают у него общие рассуждения об исконно греческом любопытстве «к тому сложному существу, которое называется человеком» (Barbu, ук. соч., стр. 235), о глубоком знании «человеческой природы и трудностей исторического жанра» у Плутарха (стр. 242). Как видно из последней цитаты, Барбу вопреки собственным декларациям Плутарха (известные слова из вступления к «Александру»: «Мы пишем не историю, а жизнеописание») — ср.

²² Weizsäcker, ук. соч., стр. 68 (речь идет о «Ликурге» и «Нуме»).

²³ Когда Н. И. Барбу (N. I. Barbu, *Les procédés de la peinture des caractères et la vérité historique dans les biographies de Plutarque*, P., 1934, стр. 6) отождествляет форму биографии с ее композицией, он только дает выражение *usus'u*, закрепившемуся в немецкой филологии со времен Лео.

²⁴ Несколько случайных примеров: «Ликург», 5—28; «Нума», 8—20; «Солон», 3—7; 20—24, где сознательно устранила, казалось бы, диктовавшаяся материалом сухая логическая «диспозиция»; ср. такое же нарушение на этот раз «хронографической» последовательности в угоду оживлению рассказа в «Лукулле», 1—2.

²⁵ В этом отношении характерна гл. XVI книги Лео и вообще все места у Лео и Вайцеккера, где заходит речь о месте античной биографии (и Плутарха в частности) в общей эволюции приемов изображения человека и его жизненного пути.

²⁶ Единственное исключение — рассуждения Вайцеккера о дуализме моралистических и исторических интересов Плутарха, но и здесь либо повторяются трюизмы, либо в угоду общим схемам делаются насильственные попытки отождествить этот «дуализм» с «полярностью» «эйдологии» и «хронографии» (между тем как совершенно очевидно, что морализм Плутарха подчиняет себе не только «эйдологические» характеристики, но прежде всего повествование, рассказ).

Barbu, ук. соч., стр. 36—38), усматривает в его биографиях «исторический жанр» в настоящем смысле этого слова. Отрицая моралистические установки «Параллельных жизнеописаний», Барбу настаивает на том, что в основе их лежит интерес к исторической истине ради нее самой (там же). Из других исследователей право Плутарха именоваться «подлинным» историком (право, на которое сам «херонейский мудрец» явно не претендовал²⁷⁾ отстаивал только Р. Гирцель²⁸.

Самая сильная сторона работы Барбу — его полемика против реликтов Einquellen-theorie (эта полемика в свое время встретила сочувственный отклик в советской науке²⁹⁾, хотя можно пожалеть о том, что автор не конкретизировал своего представления об эрудиции Плутарха, не попытался наметить ее пределы. Кроме того, полемизируя с Лео, который рисовал себе херонейского моралиста, резко порицавшего софистический культ слова³⁰, каким-то эстетом-стилистом, чей рабочий метод якобы состоял в парафразировании составленных и «диспопированных» его предшественниками сочинений, Барбу не смог избежать противоположной крайности, изобразив Плутарха историком, всецело поглощенным собиранием материала и равнодушным к внешней форме изложения. Те или иные попытки связать оформление материала в «Параллельных жизнеописаниях» с историей античной биографии и объяснить это оформление из других фактов греческой литературы или из установок самого Плутарха Барбу (ук. соч., стр. 6) отклоняет, заявляя, что структура биографий Плутарха «не изобретена и не унаследована — ее подсказали здравый смысл и природа вещей». Известно, однако, что в различной историко-культурной и историко-литературной обстановке «здравый смысл и природа вещей» дают различные советы и поэтому ссылка на этих советчиков едва ли может решить проблему...

Если для немецких исследователей первой трети века характерен отрыв истории литературы от истории общества, то следующую ступень антисторизма мы видим

²⁷ Ср. Ziegler, RE, Нб. XLI, стб. 903 слл. и прим. к стб. 901.

²⁸ R. H irz el, Plutarch, Lpz, 1912 (в популярной серии «Das Erbe der Alten»), гл. VII. По-видимому, некоторая идеализация «историзма» Плутарха наблюдается и в работе: С. Th e a n d e r, Plutarch und die Geschichte, «Bull. Doc. des Lettres de Lund», 1951, известной нам только по рецензиям.

²⁹ С. Я. Л у р ь е, Плутарх и его время, в кн.: Плутарх, Избранные биографии, М.—Л., 1941, стр. 11.

³⁰ Ср. De audiendo, VII—IX, De prof. in virtute, VII, 78 E — 79 B, Praecepta ger. reip. V—IX.

в работах, где изучаемое явление изолируется не только от социальной, но уже в значительной степени и от собственно литературной истории. В качестве примера назовем работу пристонского профессора Д. Р. Стюарта,³¹ на первых же страницах которой можно прочесть, что биография есть literature of personality, выражающая spirit of commemoration, а поскольку грекам упомянутый «дух» был присущ изначально, то и историю биографического жанра надо начинать не с индивидуалистической эпохи Исократ и Ксенофонта, как это делалось до сих пор, но с Гомера — коль скоро в поэмах последнего речь идет тоже «о жизни людей!» Здесь не место подробно разбирать исследование Стюарта, так как интересующей нас темы оно не касается, но его ориентация на психологизирующую модернизацию понятия «биографического жанра» заслуживает упоминания по своей характерности для буржуазного (особенно англосаксонского) литературоведения. За последние полвека в целом ряде общих и популярных книг по истории биографии³² последняя трактовалась в такой изоляции от всех социальных, культурных и литературных реалий различных эпох, что игнорирование исторической разницы между Плутархом и хотя бы Моруа стало правилом. В понятии «literature of personality» самые различные литературные явления растворяются и теряют свои конкретные жанровые свойства — объяснимая, хотя и неоправданная реакция на фетишизацию жанра у немецких филологов.

После второй мировой войны³³ тенденция к анализу античной биографии не в литературоведческих, а в психологических категориях проникает и в немецкую

³¹ D. R. S t u a r t, Epochs of Greek and Roman Biography («Sather Class. Lectures», 4), Berkeley, 1928.

³² Ср. J. C. J o h n s t o n, Biography. The Literature of personality, N. Y., 1927; J. R o m e i n, Die Biographie. Einführung in ihre Geschichte und ihre Problematik, Bern, 1948; J. A. G a r r a t y, The Nature of Biography, N. Y., 1957 (много небезыntenесных замечаний о Плутархе под углом зрения современной беллетристической биографии на стр. 46—48); L. E d e l, Literary Biographie, Toronto, 1957; E. C l i f f o r d, Biography as an Art, N. Y., 1962. Немецкий беллетрист Э. Людвиг во вступлении к I тому своей биографии Гете («Goethe. Geschichte eines Menschen», В., 1920) сравнивает Плутарха с рядом классиков индивидуалистической историографии XIX в.

³³ Появившаяся на рубеже послевоенного периода французская диссертация Н. G. G i r a r d, Essai sur la composition des Vies de Plutarque, P., 1945, осталась для нас недоступной. Как бы то ни было, большого резонанса она не получила.

филологию, где, однако, она приобретает менее антиисторичный характер, переключаясь в поиски связей между биографией и античной психологической теорией. Прежде чем мы перейдем к этому кругу работ, нельзя не остановиться на наиболее значительном труде последних десятилетий — монументальной монографии К. Циглера³⁴ (через три года после своего появления перепечатанной в RE³⁵), о которой нам еще придется говорить ниже. Однако как раз проблеме литературной формы Плутарховых биографий посвящен явно не самый удачный из ее разделов (ук. соч., стб. 905—910): автор обнаруживает просто мало интереса к литературоведческой проблематике. Нельзя не согласиться с призывом к изучению общей культурной обстановки, в которой сложился плутарховский стиль биографической характеристики, но сам Циглер в этой связи ограничивается замечанием, что интерес к частной жизни человека был порожден политическими условиями эллинистической и римской эпох (стб. 909). Об исследовании литературной формы (которая не случайно именуется «äußere Form») биографий Плутарха Циглер говорит, как о занятии ненужном и бесперспективном. Эта точка зрения еще сознательнее проводится в характерной для послевоенного периода работе геттингенского профессора А. Диле³⁶.

Уже во вступлении (стр. 9) Диле заявляет, что непреодолимой помехой для какой бы то ни было литературоведческой работы над античной биографией являются как отсутствие сведений об эллинистической биографии, так и неопределенность границ биографического жанра, а потому следует сделать предметом исследования не биографию, а das Biographische, или «внутреннюю историю биографии», т. е., иначе говоря, историю этических и психологических интересов и теорий античности, как они отразились в биографической литературе. На такое решительное исключение всякого литературного анализа можно было бы возразить многое. Ведь при всем нашем неведении об эллинистической биографии уже образцы античного βίος момента его зарождения — эпитафии Исократ и Ксенофонта — доступны изучению и дают основания для многих важных заключений; если не «биографический жанр» в целом, то биографическое творчество хотя бы того же Плутарха, несомненно, имеет свои внутренние законы формы, которые поучительно было бы сопоставить с общими тенденциями развития греческой

прозы. Однако главным возражением останется указание на то обстоятельство, что литературная форма — это не «äußere Form», не безразличная оболочка, но необходимое орудие реализации содержания, и поэтому анализ последнего в отвлечении от его литературного воплощения всегда потеряет в конкретности.

В несколько искусственно суженных границах своего анализа Диле все же сумел сделать много важных наблюдений. За методологическим введением следуют главы, посвященные аттической культуре на рубеже V и IV веков до н. э.³⁷, затем идет подробный разбор системы психологических понятий и терминов в перипатетической этике — едва ли не центральная глава книги³⁸. К этой главе примыкает обстоятельный анализ Плутарховой биографии Клеомена, направленный прежде всего на выявление в ней костяка перипатетически окрашенной «этиологии». Такой подход дает много интересных наблюдений и притом не только из области истории психологии и этики: в частности, в несколько неожиданном свете предстает работа Плутарха над своими источниками³⁹. Анализ Диле позволяет яснее представить себе и композиционную структуру плутарховского жизнеописания, так что приходится только пожалеть, что страх перед литературоведческой проблематикой помешал исследователю сделать последний шаг и наметить живую связь между строем мысли и структурой изложения Плутарха⁴⁰. Притом, если в основу работы положено стремление рассматривать мышление Плутарха в реальных исторических категориях античной системы понятий, то работа стала бы только цельнее, если бы и его литературное творчество рассматривалось, исходя из фактов античной литературной истории, а не из наших современных представлений о том, что есть «биография» и т. п.⁴¹. Несоблюдение этого требования до некоторой степени впу-

³⁷ В гл. III интересные наблюдения над развитием лексики, связанной с поведением человека в обществе (стр. 42 сл.).

³⁸ «Die ethisch-psychologischen Begriffe des Peripatos in der Biographischen Tradition», стр. 57—87.

³⁹ D i h l e, ук. соч., стр. 96 и др. Несмотря на некоторые преувеличения, вывод об очень сознательном отборе и перетовке анекдотического и апофтематического материала звучит убедительно.

⁴⁰ Там же, стр. 92—101 passim, особ. стр. 96—100.

⁴¹ Диле неоднократно (например, стр. 35, 102 и др.) говорит о биографии как о цельном произведении, охватывающем Lebenslauf героя как внутреннее единство и т. д., что соответствует современным требованиям к биографии, но не подходит ни к Светонию, ни к Диогену Лаэртскому, ни к SHA.

³⁴ K. Z i e g l e r, Plutarchos von Chaironeia Stuttg.—Waldsee, 1949.

³⁵ RE, Hb. XLI, 1951, стб. 636—962 (s. v. «Plutarchos»), далее все ссылки по RE.

³⁶ A. D i h l e, Studien sur griechischen Biographie, Göttingen, 1956 («Abhandl. der Akad. der Wiss. in Gött., Phil.-Hist. Klasse», 3. Folge, № 37).

скает через окно изгнанную в дверь модернизацію.

Последняя глава книги Диле посвящена двум корифеям эллинистической биографии — Сатиру и Антигону из Кариста: наиболее важная ее часть — разбор опубликованного в 1912 г. фрагмента Сатира (см. выше, прим. 15).

К работе Диле тематически и методологически примыкает диссертация его ученика К. Бергена⁴², построенная на сопоставлении приемов характеристики у Тацита (в изображении Тиберия) и у Плутарха. Берген пытается внести некоторые коррективы в восходящую к Брунсу⁴³ дихотомию «прямой» и «косвенной» характеристики в античной историографии, но в центре диссертации стоит многострадальный вопрос о способности или неспособности античных историков и биографов изображать перемены в человеческом характере. Как известно, противопоставление статичности античного и динамичности современного психологизма стало более или менее общим местом⁴⁴. Берген вслед за Диле⁴⁵ вносит уточнения: для античной психологии характер человека четко делится на $\phi\acute{o}\sigma\iota\varsigma$ и $\eta\theta\eta$ (соответственно *ingenium* и *mores*); $\eta\theta\eta$ подвержены изменениям, и эти изменения подчас весьма умело изображаются, но $\phi\acute{o}\sigma\iota\varsigma$ для античного человека неизменна⁴⁶.

Если Диле и Берген объясняют Плутарха из перипатетической психологической теории, то другая группа ученых пытается найти связь между ним (через его эллинистических предшественников) и перипатетической же теорией историографии. Рискованность этого подхода обусловлена тем, что если перипатетическая психология известна нам хотя бы по самому Аристотелю, то взгляды на историю, приписываемые Теофрасту, приходится реконструировать по образу и подобию Аристотелевой теории трагедии. Гипотеза о перипатетической «трагической» историогра-

фии была создана еще в конце прошлого века Эд. Шварцем⁴⁷ и развивалась П. Шеллером⁴⁸; ее принимали Р. Рейтценштейн⁴⁹ и Ф. Якоби⁵⁰. Едва ли, однако, она обсуждалась когда-нибудь так оживленно, как в последнее двадцатилетие. Это обсуждение начато еще во время войны статьей американца Б. Л. Ульмана⁵¹, где «трагическая» историография возводилась не к перипатосу, а к школе Исократ⁵²; наиболее энергичным защитником теории Эд. Шварца в ее первоначальном виде в настоящее время выступает К. Фритц⁵³, на промежуточных позициях стоят Джованнини⁵⁴ (попытка противопоставить «реторический» тип историографии «трагическому»⁵⁵) и видный швейцарский специалист по перипатетической школе Фр. Верли⁵⁶. Здесь не место входить в подробное рассмотрение этого вопроса, до сих пор далекого от разреше-

⁴⁷ Ed. S c h w a r t z, Die Berichte über die catilinarische Verschwörung, «Hermes», XCIII (1897), стр. 560 слл.; он же, Duris, RE, V, стр. 1853—1856; он же, Fünf Vorträge über den griechischen Roman, B., 1896.

⁴⁸ P. S c h e l l e r, De hellenistica historiae conscribendae arte, Lpz, 1901.

⁴⁹ R. R e i t z e n s t e i n, Hellenistische Wundererzählungen, Lpz, 1907.

⁵⁰ F. J a c o b y, Die Fragmente der griechischen Historiker, II, B., 1926—1930 (особенно C, стр. 116—117, 134).

⁵¹ B. L. U l m a n, History and Tragedy, «Transactions of the American Philological Association», XXXIII, 1942, стр. 25 слл.

⁵² Цицерон (De orat., II, 13, 57—58) особо подчеркивает, что такие столпы историографии, как Теопомп и Эфор, вышли ex clarissima quasi rhetorum officina — из школы Исократа, хотя в то же время указывает и на Каллисфена — ученика Аристотеля.

⁵³ K. F r i t z, Die Bedeutung des Aristoteles für die Geschichtsschreibung, в кн.: «Histoire et les historiens dans l'antiquité» («Entretiens sur l'antiquité classique», IV), Vandoev.—Généve, 1956, стр. 83—128 (дискуссия по докладу стр. 129—146).

⁵⁴ G. G i o v a n i n i, Tragedy and History in Ancient Literature, PhQ, 1943, стр. 908—914.

⁵⁵ Сходную позицию занимает Т. В. Африка (Th. W. A f r i c a, Phylarchus and the Spartan revolution, Berkeley — Los-Angeles, 1961, гл. IV и особенно стр. 38—40 — на стр. 25 интересные замечания о Плутархе).

⁵⁶ Fr. W e h r l i, Die Geschichtsschreibung im Lichte der antiken Theorie, в кн.: «Eumusia, Festgabe für E. Howald zum 70-n Geburtstag.», Erlenbach — Zürich, 1947, стр. 54 слл. См. его же многочисленные статьи и комментарии в многотомном издании: «Die Schule des Aristoteles», I—X, Basel, 1945.

⁴² K. B e r g e n, Charakterbild bei Tacitus und Plutarch, Köln, 1962.

⁴³ B r u n s, Die Persönlichkeit in Geschichtsschreibung der Alten.

⁴⁴ Ср. в советской литературе: И. М. Т р о н с к и й, История античной литературы, изд. 3-е, Л., 1957, стр. 244. Тезису об абсолютной статичности характера у античных авторов специально посвящено: W. H. A l e x a n d e r, The Tacitean *non liquet* on Seneca, L., 1954.

⁴⁵ D i l l e, ук. соч., гл. IV passim (преимущественно в конце).

⁴⁶ B e r g e n, ук. соч., стр. 91 слл. Наблюдения над изображением изменяющихся характеров в античной и средневековой историографии содержит работа: P. K i r n, Das Bild des Menschen in der Geschichtsschreibung von Polybius bis Ranke, Göttingen, 1955, гл. IV (специально о Плутархе стр. 111—112).

ния⁵⁷; нельзя, однако, не отметить трезвого скептицизма Ф. Уолбанка⁵⁸. Что касается специально Плутарха, то представить себе, будто он сколько-нибудь сознательно ориентировался в своем биографическом творчестве на принципы аристотелевской эстетики трагедии, тем труднее, что как раз слова «трагедия» «трагический» и т. п. употребляются в его сочинениях (вполне в духе его кумира Платона) только in malam partem, как синоним лживой, аморальной, помрачающей разум импозантности и патетики; этому плутарховскому словоупотреблению специально посвящена статья П. де Ласи⁵⁹.

В совершенно ином направлении исследует методы античной историографии остроумная работа Кордулы Брутшер⁶⁰, построенная на историко-литературном анализе биографической традиции о Цезаре (по Светонию, Плутарху, Диону Кассию и Аппиану). Исследовательница ставит себе целью выяснение процесса конструирования представлений о различных (особенно ранних) периодах жизни Цезаря, исходя из политических ситуаций определенных моментов истории Рима, и раскрытие обработки сложившегося таким образом материала у авторов. Брутшер подчеркивает стройную организацию исторического материала в плутарховском изложении вокруг нескольких ведущих идей, и в этой связи останавливается на композиционной технике Плутарха (анализ приемов «подготовки» важных мотивов, стр. 121).

В числе работ, не посвященных Плутарху специально, но представляющих необходимое подспорье для изучения его биографических приемов, заслуживает быть упомянутой монография В. Штайдле о Светонии⁶¹.

⁵⁷ Среди последних по времени работ вместе с уже упомянутой монографией Т. В. Африка о Филархе (враждебной теории Шварца) следует назвать диссертацию: N. Zegers, *Wesen und Ursprung der tragischen Geschichtsschreibung*, Köln, 1959 (промежуточная позиция) и статью: C. O. Brink, *Tragic history and Aristotle's School*, «Proceedings of Cambridge Philological Society», 186 (1960), стр. 14 слл. (разбор в духе теории Шварца соотношений между историографией и IX кн. «Поэтики» Аристотеля).

⁵⁸ F. Walbank, *Tragic history. A reconsideration*, «Bull. of the Instit. of Class. Stud. of the Univ. of London», 1955, стр. 4 слл.

⁵⁹ P. de Laacy, *Biography and Tragedy in Plutarch*, *AJPh*, 73 (1952), стр. 159 слл.

⁶⁰ C. Brutscher, *Analysen zu Suetons Divus Julius und der Parallelüberlieferung* («Noctes Romanae, № 8»), Bern — Stuttg., 1958.

⁶¹ W. Steidle, *Sueton und die antike Biographie* («Zetemata», Heft 4), Münch., 1951; ср. М. И. Гаспаров, *Новая*

Переходим к работам, тематика которых не связана специально с проблемой жанровой специфики биографии Плутарха.

Наилучшим «путеводителем» по частным вопросам биографии и творчества Плутарха является монография К. Циглера, которую нам уже приходилось называть. Этот труд, автор которого отдал филологической работе над Плутархом почти всю свою жизнь⁶² — систематическое суммирование итогов современной науки. Правда, анализ «Параллельных жизнеописаний» несколько отступает на задний план сравнительно с блестящим разделом о жизни Плутарха (рецензенты особо отмечали обстоятельный алфавитный перечень друзей и знакомых Плутарха на стб. 669—694) и разбором «Моралий» (каждому трактату посвящена отдельная рубрика, часто немалых размеров, в то время как биографии разобраны в общем очерке). Особый интерес представляет тщательная сводка и кропотливый анализ всех данных, проливающих свет на соотносительную хронологию «Параллельных жизнеописаний». С вопросом о датировке биографий связана также необходимость объяснения перекрестного цитирования: например, в «Дионе» (гл. 58) есть ссылка на «Тимолеона», в «Тимолеоне» (гл. 13 и 33) — ссылки на «Диона»; так же обстоит дело с «Брутом» и «Цезарем». Этот вопрос вызвал в свое время полемику между И. Мевальдтом, предлагавшим принять такие ссылки за критерий датировки и допустить появление Плутарховых биографий не отдельными парами, но группами⁶³, и К. Штольцем, указавшим на несообразности этой гипотезы⁶⁴. К. Циглер дал едва ли не окончательное решение этой апории, указав на зыбкий статус всякого издаваемого текста в эпохи, не знавшие книгопечатания, и привлекая в качестве поучительной аналогии авторские исправления в текстах Цицерона⁶⁵.

зарубежная литература о Таците и Светонии, ВДИ, 1964, № 1, стр. 188 сл.

⁶² Помимо старого исследования об истории рукописного предания «Параллельных жизнеописаний» (1907 г.) и эдической работы, продолжающейся и по сие время, Циглер опубликовал с 1908 по 1938 г. 20 статей по текстологии и герменевтике сочинений Плутарха («Plutarchstudien», I—XX, RhM, 57—77).

⁶³ Гипотеза была выдвинута еще в 1907 г. («Hermes», 42, стр. 564—578); новые доводы в рецензии на работу Штольца (см. след. прим.) — «Gnomon», 6 (1930), стр. 431 слл.

⁶⁴ C. Stoltz, *Zur relativen Chronologie der Parallelbiographien Plutarchs*, Lund, 1929 («Lunds Univ. Arsskrift», N. F., Av. 1, XXV, № 3).

⁶⁵ Ziegler, *ук. соч.*, стб. 901 сл. Из числа работ, связанных с этим же кругом вопросов, следует назвать еще C. Theander, *Zur Zeitfolge der Biographien Plutarchs*, «Eranos», 56 (1958), стр. 12 слл.

Характеризуя позицию Плутарха по отношению к своему материалу, Циглер с полным основанием подчеркивает (против Гирцеля и Барбу), что историком Плутарх не был и не хотел быть, но защищает его (против немецких исследователей конца XIX — начала XX в.⁶⁶) от обвинений в сознательной недобросовестности⁶⁷. Речь идет, в частности, об интерпретации двух мест из сочинений Плутарха (Nic., 1 и De curiositate, 11, p. 520D), в которых хотели видеть чуть ли не отказ в праве на существование для истории Фукидидовского типа и вообще для серьезной работы над источниками⁶⁸. Циглер, ссылаясь на контекст обеих пассажей и на общее отношение Плутарха к Фукидиду, показывает необоснованность подобного толкования.

Как известно, в начале нашего века Гирцель и другие специалисты предлагали отвергнуть как не принадлежащие Плутарху его «сопоставления» (σνχρῖσεις). После работы Р. Штифенхофера⁶⁹, замечаний Вилламовица⁷⁰ и Циглера⁷¹, оправившегося на весь опыт своей текстологической работы над сочинениями Плутарха, эта точка зрения уже не находит сторонников. Но если «сопоставления» подлинны, встает вопрос об их смысле и месте в ряду приемов характеристики у Плутарха. В этом отношении Циглер стоит на традиционной точке зрения, рассматривая «сопоставления» как искусственный продукт риторического влияния. Однако остается вопросом, насколько объективна эта выработавшаяся в XIX в. оценка: были эпохи, когда судили иначе, и такой глубокий ценитель Плутарха, как Монтень, особенно любил именно «сопоставления». Попытку разобраться в возможностях «синкрисиса» как приема, исходя из установок самого Плутарха, представляет собой работа Г. Эрбсе⁷². Статьи Г. Мартина⁷³ и Г. И. Мет-

те⁷⁴ подходят к изучению мировоззрения античных авторов с лексикологическими методами. Мартин дает систематический разбор контекстов, в которых Плутарх употребляет слово *ἐπιανθρωπία* и производные от него, и смысловых оттенков этих словоупотреблений, останавливаясь на связи идеи «человеколюбия» с идеей греческой культурной традиции, как ее понимал Плутарх. Попутно Мартин касается проблемы переработки источников у Плутарха, убедительно обосновывая тезис о его достаточно далеко заходящей самостоятельности в пересказе и переосмыслении традиционного материала. Мете исследует историю понятия «великий человек» и его словесного оформления, начиная с IV в., по в центре работы стоят тексты Полибия и Плутарха.

Важное значение для интерпретации «Параллельных жизнеописаний» имеет политическое мировоззрение Плутарха, хотя в последнее время Диле и вслед за ним Берген⁷⁵ настаивают на чисто «приватистском» подходе Плутарха к своим героям и отрицают связь между биографиями и сочинениями порядка *πολιτικά παραγγέλματα*, в свое время намеченную Ф. Фокке⁷⁶. Этой стороне идеологии Плутарха посвящает раздел в своем исследовании о политической жизни Греции под римским владычеством Г. Бенгтсон⁷⁷.

Государственно-правовым взглядам Плутарха посвящена диссертация Г. Вебера⁷⁸. Эта работа — образец буржуазного антисторизма в его худшем варианте: проповеднический тон, достойный Армии Спасения (автор хочет быть актуальным и поставить перед политической жизнью современности исправляющее зеркало в лице Плутарха), выспренный морализм, безудержная идеализация Плутарха и его эпохи почти не оставляют места для серьезного делового анализа.

Многочисленные работы, связанные с проблемой источников биографий Плутарха (см. выше, прим. 10), потребовали бы особого обзора. Отметим анализ «Катона Старшего» в монографии об этом деятеле Ф. делла Корте⁷⁹. Неоднократно отмечал-

⁶⁶ Ср. W. Christ, W. Schmid, Griechische Literaturgeschichte II, 6. Aufl., стр. 271.

⁶⁷ Ziegler, ук. соч., стб. 901, прим. 1.

⁶⁸ Ср. С. Я. Лурье, Плутарх и его время (в кн.: Плутарх, Избранные биографии, М.—Л., 1941), стр. 13 сл.

⁶⁹ P. Stiefenhofer, Die Echtheitsfrage der biographischen Synkriseis Plutarchs, «Philologus», 77 (1916).

⁷⁰ Willamowitz-Möllendorff, Plutarch als Biograph, стр. 260—262.

⁷¹ Ziegler, ук. соч., стб. 909; ср. также Т. Синко, Literatura grecka, III, Cr. I, Warsz., 1951, стр. 241.

⁷² H. Erbse, Die Bedeutung der Synkrisis in den Parallelbiographien Plutarchs, «Hermes», 84 (1956), стр. 398—424. Ср. K. Irgn, ук. соч., гл. III.

⁷³ H. Martin, The Concept of Philanthropia in Plutarch's Lives, AJ. Ph, 82 (1961), стр. 164—175; ср. S. Tr. Ruitter, De vocis quae est *ἐπιανθρωπία* sig-

nificatione atque usu, «Mnemosyne», 59 (1932), стр. 271—306.

⁷⁴ H. J. Mette, Der «große Mensch», «Hermes», 89 (1961), Heft 3.

⁷⁵ D. Ihle, ук. соч., стр. 97; Berge n, ук. соч., стр. 56.

⁷⁶ F. Focke, Synkrisis, «Hermes», 58 (1923) стр. 362 слл.

⁷⁷ H. Bengtson, Das politische Leben der Griechen in der römischen Kaiserzeit, «Welt als Geschichte», X, 1950, стр. 86 слл.

⁷⁸ H. Weber, Die Staats- und Rechtslehre Plutarchs von Chaironeia, Köln, 1959.

⁷⁹ F. della Corte, Catone Censore, la vita e la fortuna. Torino, 1949, стр. 145—150.

ся контраст между двумя версиями исторического предания о Тиберии Гракхе, отразившимися в различном изложении событий у Плутарха и Аппиана; сгладить эти различия и истолковать обе версии как выражение единой традиции пытаются Р. Сир⁸⁰. Как и во времена Принца, Бегеманна и Бузольта объектом особенно интенсивной источниковедческой работы является «Солон»; из исследований, посвященных этой биографии, выделяется широкой постановкой вопроса статья М.-Л. Паладини⁸¹, к сожалению, ни в приемах, ни в выводах не дающая ничего принципиально нового сравнительно с *Quellenforschung* конца прошлого века.

Проблематика реценций творчества Плутарха в литературе нового времени — совершенно особая область, и ее мы оставляем в стороне. Более непосредственный интерес для историка-антиковеда может представить вопрос о влиянии биографических методов Плутарха на византийскую историографию, поднятый в статьях Р. Дженкинса⁸².

Внимание к вопросам текста «Параллельных жизнеописаний» было стимулировано двумя папирусными находками, содержащими фрагменты биографий Пелопида и Цезаря⁸³.

Подводя итоги, следует признать, что поиски нового, более широкого и гибкого подхода к изучению биографической техники Плутарха в общем принесли свои плоды: наиболее убедительным примером такого нового подхода явилась работа А. Диле. В то же время очевидно, что множество проблем, связанных с литера-

турной природой «Параллельных жизнеописаний», остаются открытыми.

Опыты Лео и Вайцеккера привела к неудаче не тяга к точным критериям литературоведческого анализа, но узость методов, во многом определявшихся инерцией старой немецкой филологии: эта узость не до конца изжитая и в работах круга Диле — Бергена. Здесь следует указать, прежде всего, на недостаточное внимание к цельному облику автора, к его писательской оригинальности. Биографии Плутарха подверстаются к самым различным и достаточно гипотетическим «традициям» и «образцам», но очень мало сопоставляются с другими сочинениями «херонейского мудреца»: между тем систематический анализ как идеологического, так и литературного единства всего творчества Плутарха мог бы быть весьма плодотворным. Разумеется, такой анализ должен основываться на ясном и подлинно историческом понимании мировоззрения Плутарха: здесь — слово за советской филологией. Далее, Плутарх должен изучаться с учетом конкретной литературной обстановки его эпохи: его сочинения следует сопоставлять не только с тем, что было до них, но и с тем, что создавалось *рядом* с ними.

Еще одно требование историзма, которое слишком часто нарушается: до сих пор большинство исследователей молча исходит в своем анализе из концепции биографии, какой ее знает европейская литература последних столетий. Между тем еще Виламовиц в своем ярком, но, к сожалению, слишком суммарном очерке⁸⁴, показал, насколько разнятся значение слов *βίος* и *vita* от наших представлений о биографии.

Итак, литературоведческий анализ биографий Плутарха еще имеет перед собой ряд нерешенных задач. Однако те достижения, которые уже сделаны в изучении литературных и психологических установок Плутарха в переработке материала источников (эту переработку приходится представлять гораздо более активной и самостоятельной, чем это виделось старой *Quellenforschung*), с необходимостью должны учитываться историком при использовании «Параллельных жизнеописаний» как исторического источника⁸⁵.

С. С. Аверинцев

⁸⁰ R. M. Seeley, *Plutarch and Appian on Tib. Gracchus*, «Classical and Mediaeval studies in honor of E. H. Rand», N. Y., 1938, стр. 105—112.

⁸¹ M.-L. Paladini, *Influenza della tradizione dei Sette Savi sulla «Vita di Solone» di Plutarco*, *REG*, 1956, № 326—328, стр. 377 слл.

⁸² R. I. H. Jenkins, *Constantine VII's Portrait of Michel III*, «Bull. Cl. des lettres de l'Acad. Royale de Belg.», 5e sér., 34 (1948), стр. 71 слл.; он же, *The Classical Background of the Scriptorum post Theophanem*, «Dumbarton Oaks Papers», *Cambr.*, VIII (1954), стр. 11 слл. Ср. А. П. К а ж д а н, *Из истории византийской хронографии X в.*, I, ВВ, 19, 1961, стр. 83.

⁸³ См. F. V i b a b e l, *Neue literarische Funde in Heidelberg*, «Actes du V Congr. de Papyrologie», *Oxf.*, 1937, стр. 72 слл.; V. M a r t i n, *Un papyrus de Plutarque*, «*Aegyptus*», 31, 1951, стр. 138 слл.

⁸⁴ W i l l a m o w i t z - M ö l l e n d o r f f, *Plutarch als Biograph*, стр. 264: «*Βίος* человека — это никоим образом не последовательное течение его жизни, не то, что он переживает, но то, как он живет».

⁸⁵ См., например, анализ биографии Солона в указанной работе К. К. Зельина (стр. 78—88).